

А. А. ЧЕКАЛОВА

НАРОД И СЕНАТОРСКАЯ ОПОЗИЦИЯ
В ВОССТАНИИ НИКА

I. СЕНАТОРЫ В ВОССТАНИИ НИКА

Вопрос о позиции, которую заняла аристократия Константинополя по отношению к восстанию Ника, о роли и месте сенаторов в этом народном движении представляет одновременно и большой интерес, и большую сложность. Рассмотрение этой проблемы позволило бы глубже проникнуть в сущность взаимоотношений сенаторской аристократии и императорской власти в первые годы правления Юстиниана. Трудность, однако, заключается в том, что сообщения источников об участии сенаторов в восстании отличаются необычайной краткостью. Поэтому для того, чтобы определить с возможной полнотой роль сенаторов в этом движении и причины, побудившие их пойти на союз с народными массами, следует обратиться не только к тем разделам источников, которые непосредственно касаются восстания Ника, но и к тем, где речь идет о правлении Анастасия, Юстина и Юстиниана в целом.

Об участии сенаторов в восстании свидетельствуют данные многих памятников. Прокопий, автор Пасхальной хроники, Феофан, Зонара, «Эксерпты» Константина Багрянородного — все они указывают, что ряд сенаторов оказался на стороне Ипатия и восставшего народа¹. Более того, по данным этих источников можно представить и количество аристократов-мятежников. Феофан говорит, что было конфисковано имущество у 18 патрикиев, содействовавших Ипатию². Та же цифра приводится в «Эксерптах» Константина Багрянородного³. В то же время автор Пасхальной хроники дает возможность предполагать, что в восстании участвовало значительно большее число патрикиев. Дело в том, что Феофан, говоря о 18 патрикиях, имеет в виду только тех из них, у которых было конфисковано имущество. Согласно же Пасхальной хронике, одни патрикии бежали в монастыри, другие в церкви, и их дома были опечатаны; явные же участники восстания были высланы за границу, а их имущество — конфисковано⁴. Следовательно, число сенаторов, принявших участие в восстании, в действительности было гораздо больше восемнадцати. Это же следует

¹ *Procopii Caesariensis Opera omnia*, rec. J. Haury, vol. I. De Bello Persico. Lipsiae, 1962 (далее — В. Р.), I, 24, 25 sq.; *Chronicon Paschale*, vol. I. Bonnae, 1832 (далее — Chron. Pasch.), p. 628; *Theophanis Chronographia*, vol. I, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1833 (далее — *Theoph.*), p. 185—186; *Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XVIII*, vol. III. Bonnae, 1897 (далее — *Zonar.*), p. 156; *Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti*, vol. III. Excerpta de insidiis. Berolini, 1905 (далее — Ex. de ins.), p. 172.

² *Theoph.*, p. 185—186.

³ Ex. de ins., p. 172.

⁴ Chron. Pasch., p. 628.

и из рассказа комита Марцеллина, который пишет о большом количестве представителей знати, замешанном в мятеже⁵.

Все это подтверждается еще одним свидетельством Пасхальной хроники и рассказом Прокопия. 18 января, пишет хронист, император собрал сенаторов и приказал им идти домой⁶. Когда они ушли, их встретил народ и повел Ипатия на форум Константина⁷. Конечно, Юстиниан изгнал не всех сенаторов, но, по-видимому, при нем остались лишь самые верные, такие, как Велисарий, Иоанн Каппадокийский, в то время как значительное число аристократов было удалено из дворца. По свидетельству Прокопия, 18 января на форуме Константина собрались сенаторы, которых не было во дворце. Он говорит так, словно речь идет обо всех сенаторах⁸. Создается впечатление, что сенаторов, примкнувших к восстанию, было немало.

Нужно обратить внимание и на следующее обстоятельство. Пасхальная хроника, Феофан, «Эксперпты» Константина говорят в данном случае не просто о сенаторах, а о патрикияx, которые, как известно, являлись высшим слоем константинопольской аристократии. До 537 г. титул патрикия могли получить лишь консулы и самые высшие должностные лица⁹. Естественно, что количество их было сравнительно невелико: Р. Гийан для целого периода 491—565 гг. насчитывает около 70 патрикиев¹⁰. Понятно, что даже 18 патрикиев представляли собой немалую часть верхушки константинопольской знати.

Итак, можно сделать вывод, что в восстании была замешана большая часть senatorской аристократии и, что особенно примечательно, вместе с восставшими оказалось значительное число представителей ее высшего слоя.

Каковы причины участия сенаторов в восстании Ника? Прежде всего следует обратить внимание на неоднородность senatorской аристократии в период правления Юстиниана. В ее состав входили и отпрыски старых аристократических фамилий¹¹, и потомки вельмож, выдвинувшихся в ряды знати в IV—V вв.¹², и, наконец, совсем новые, никому доселе не известные лица. Источники дают возможность проследить карьеру многих людей, которые из низов общества смогли подняться на самую верхнюю его ступень. Более того, именно эти выскочки играют большую роль во внутренней и внешней политике Юстиниана, составляя его ближайшее окружение. Иоанн Каппадокийский, Велисарий, Ситта, Нарсес, Гермоген

⁵ *Marcellini Comitis Chronicon*. — MGH, AA, t. XI, vol. 2, fasc. 1, p. 103: . . . ple-risque nobilium coniuratis. . .

⁶ *Chron. Pasch.*, p. 624.

⁷ *Ibidem*.

⁸ *J. Bury*. *History of the Later Roman Empire*, vol. II. N. Y., 1958, p. 44, n. 4.

⁹ *Corpus iuris civilis*, vol. III. *Novellae*, rec. R. Schoell-G. Kroll. Berolini, 1954, nov. 62, cap. 1.

¹⁰ *R. Guillard*. *Recherches sur les institutions byzantines*, t. II. Berlin — Amsterdam, 1967, p. 132—161.

¹¹ Можно согласиться с Г. Г. Беком, который считает, что нельзя сказать ничего определенного о количественном составе этой знати и ее богатствах (*H.-G. Beck*. *Konstantinopel*. — *BZ*, 58, 1965, S. 19). В скудых на этот счет сведениях источников не приводится родословная упоминаемых сенаторов, и нам известен лишь один патрикий — Олибрий, консул 491 г., которого можно считать потомком старой аристократии, и то по линии матери — Юлианы Аниции (*Chron. Pasch.*, p. 594, 607; *Malal.*, p. 392, 398; *Procop.*, V. P., I, 8, 1).

¹² Здесь можно назвать Зинона, внука императора Анфимия (467—472), род которого восходил к первой половине IV в. (*Procop.*, Н. а., XII, 1; *Ю. Кулаковский*. *История Византии*, т. I. Киев, 1913, стр. 226, 366; *A. H. M. Jones*. *The Later Roman Empire*, vol. II. London, 1964, p. 551); почетного консула Иоанна, сына Руфина и внука Иоанна Скифа (*Malal.*, p. 432; *Theoph.*, p. 175—176; *Georgius Cedrenus*. *Ioannis Scylitzae ore*, vol. I. Bonnæ, 1838, p. 645; *R. Guillard*. *Op. cit.*, II, p. 47. 62, n. 53); Диогениана, родственника Ариадны (*Malal.*, p. 411); Аппионов (наиболее полно о них см. в кн.: *E. Hardy*. *The Large Estates of Byzantine Egypt*. N. Y., 1931, p. 25); родственников Анастасия (*B. Rubin*. *Das Zeitalter Justinians*, I. Berlin, 1960, S. 485) и др.

и другие — все они были лицами скромного, а подчас и совсем низкого происхождения¹³. Вполне естественно, что, заняв ведущие посты в государственном управлении, они оттеснили аристократов, занимавших ранее эти должности, которые помимо почета и власти приносили своим обладателям немалый доход¹⁴. Кроме того, по свидетельству «Тайной истории», некоторые богатые сенаторы, занимавшие весьма высокое положение, потеряли значительную часть своих состояний, так как Юстиниан под разными предлогами присваивал себе их имущество¹⁵.

Эта группа сенаторов, которые вполне могли быть патрикиями, вероятно, и составила ядро сенаторской оппозиции, выступившей против Юстиниана. Источники сохранили имена только двух патрикиев, но и этого может быть достаточно, чтобы подтвердить высказанную точку зрения. Речь идет о консуле 491 г. Олибрии¹⁶ и бывшем префекте претория Юлиане, которого сменил на его посту Иоанн Каппадокийский¹⁷. Юлиана, как пишет автор Пасхальной хроники, восставшие повели на ипподром вместе с Ипатием и Помпеем.

Однако едва ли можно считать, что только эти аристократы были оппозиционно настроены по отношению к правящему императору. Следует вспомнить, что сенат в первые годы правления Юстиниана был лишен возможности проявлять какую-либо политическую активность, а это, бесспорно, расширяло круг недовольных Юстинианом сенаторов.

Насколько же серьезным было выступление константинопольской аристократии в восстании Ника?

Отдельные исследователи (А. П. Дьяконов, С. Винклер) склонны вообще отрицать добровольное участие сенаторов в этом восстании¹⁸. Совсем не упоминает о них В. Шубарт¹⁹. Некоторые исследователи (Ш. Лекривен, Ш. Диль) говорят об этом с большой осторожностью, отмечая лишь то, что сенаторы были замешаны в этом движении²⁰.

Вместе с тем Дж. Бьюри, много размышлявший над восстанием Ника, приписывал его размах агитации сенаторов. «... На заднем плане, — пишет исследователь, — были силы, которые стремились не просто к ад-

---

¹³ Кроме указанных здесь лиц можно вспомнить еще Петра Патрикия, Петра Барсиму, Трибониана, префекта претория Ареобинда, родственника простого камеркиария (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1959, p. 215*), Бузу, Бессу и др.

¹⁴ Префект Африки, например, получал 100 либров золота в год (*G. Ostrogorsky. Löhne und Preise in Byzanz. — VZ, 32, 1932, S. 301*). Сама по себе эта сумма не могла, по словам А. Джонса, привлечь людей с доходом 1000 либров или больше, но занятие этой должности давало возможность получить много больше, чем официальное жалование (*A. H. M. Jones. Op. cit., vol. II, p. 557*).

¹⁵ *Procop., H. a., XII, 1—11.*

¹⁶ *Malal., p. 478.*

¹⁷ *Chron. Pasch., p. 624.* Ссылаясь на кодекс Юстиниана, Э. Штейн указывает, что Юлиан был префектом с 18 марта 530 г. до 20 февраля 531 г. Иоанн стал префектом претория до 30 апреля 531 г. (*E. Stein. Op. cit., t. II, p. 784*).

¹⁸ А. П. Дьяконов. Византийские думы и факции (Τὰ μέρη) в V—VII вв. — «Византийский сборник». М. — Л., 1945, стр. 211; *S. Winkler. Zur Problematik der Volksbewegungen unter Justinian.* — «*Studii clasice*», III, 1961, S. 432. В этой статье С. Винклер критикует взгляды Б. Рубина, считавшего, что Прокопий принадлежал к той группе, политической целью которой было выступление против Юстиниана или посредством тайной оппозиции, или — при возможности — путем открытой революции. С. Винклер правильно считает, что экономические интересы аристократии и крупных торговцев были больше связаны с выскочкой-императором, чем с народными массами. Тем не менее едва ли следует при этом недооценивать сенаторскую оппозицию, которая могла быть одновременно враждебна и Юстиниану, и народным массам и которая при удачно сложившихся обстоятельствах могла использовать в своих собственных интересах выступление народа.

¹⁹ *W. Schubart. Justinian und Theodora. München, 1943, S. 84—89.*

²⁰ *Ch. Lecrivain. Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople. Paris, 1888, p. 225; Ch. Diehl. Le sénat et le peuple byzantin aux VIIe et VIIIe siècles. — Byz., I, 1924, p. 205.*

министративной реформе, а к изменению династии»²¹. Этими силами он считает сенаторскую аристократию²². Сходной точки зрения придерживался Э. Штейн, который полагал, что высшая аристократия воспользовалась враждебностью народных масс к Иоанну Каппадокийскому и попыталась свергнуть не только префекта, но и самого Юстиниана²³. Взгляды Дж. Бьюри и Э. Штейна в значительной степени разделял М. В. Левченко²⁴.

Остановимся несколько подробнее на этом вопросе. К началу восстания и его подготовке сенаторы, бесспорно, не имели никакого отношения. Восстание возникло как стихийное движение народных масс и было направлено не только против императора и его правительства, но и против аристократии. Прокопий и Феофан рассказывают, что восставшие в первый же день сожгли дома многих богатых людей, часть которых в страхе бежала на противоположный берег Босфора²⁵. На следующий день, однако, сенаторы уже попытались использовать разгоревшееся с новой силой народное движение. Их влияние чувствуется уже в том, что на место Иоанна Каппадокийского, Трибониана и Эвдемона были назначены люди, принадлежавшие к высшим аристократическим кругам. Место Иоанна Каппадокийского занял Фока, сын Кратера, место Трибониана — Василид, вместо Эвдемона стал Трифон²⁶. Фока, сын Кратера, принадлежал к высшей служилой знати и был очень богат. В 529 г. его наряду с другими аристократами осудили по обвинению в язычестве²⁷. Патрикий Василид, по видимому, был в правление Юстина префектом претория Востока, в 529 г. он занимал должность префекта Иллирии, в 531—532 гг. замещал Гермогена на посту магистра официй²⁸. Что касается Трифона, то он был братом бывшего епарха города Феодора²⁹.

Прокопий высоко отзываясь о Фоке и Василиде, подчеркивая, что Василид был человеком благородного происхождения и известным среди патрикиев³⁰.

Высокая характеристика Прокопия, а также факт несомненной связи этих трех лиц с верхушкой столичного общества позволяют предположить, что за их спиной стояла сенаторская аристократия, которая решила использовать восстание в своих целях.

Кроме того, Проб, а затем и Ипатий были явно кандидатурами не народных масс, а сенаторов. Здесь возникает вопрос: означает ли, как полагает большинство исследователей, выдвижение на престол племянников Анастасия, что сенаторская оппозиция была по существу оппозицией династической? На наш взгляд, выбор Проба и Ипатия вовсе не означал для аристократии возврата к старой династии, поскольку отношения между Анастасием и сенатом были весьма и весьма враждебны. Сенат, так же как и народные массы, не одобрял религиозную политику Анастасия³¹. Выступив против патриарха Македония, император привел этим «в большую печаль сенат и Августу»³². Когда же Анастасий нарушил клятву, данную Виталиану перед народом и сенатом, сенат и народ открыто

²¹ *J. Bury. Op. cit., vol. II, p. 42; ср.: A. H. M. Jones. Op. cit., vol. I, p. 272.*

²² *J. Bury. Op. cit., vol. II, p. 42, 44.*

²³ *E. Stein. Op. cit., t. II, p. 449.*

²⁴ *М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 61.*

²⁵ *Theoph., p. 184; Procop., B. P., I, 24, 8.*

²⁶ *Procop., B. P., I, 24, 18; Chron. Pasch., p. 621.*

²⁷ *Ioannis Lydi De magistratibus populi Romani. Lipsiae, 1903 (далее — Ioann. Lyd.), III, 72—76; Procop., H. a., XXI, 6; Malal., p. 449; Theoph., p. 180; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 456.*

²⁸ *E. Stein. Op. cit., t. II, p. 433.*

²⁹ *Chron. Pasch., p. 621.*

³⁰ *Procop., B. P., I, 24, 18.*

³¹ Об этом упоминал еще Ш. Лекривен: *Ch. Lecrivain. Op. cit. p. 223.*

³² *Theoph., p. 155; ср.: Theodor Lector. — «Revue archéologique», nouvelle série, vol. XXVI. Paris, 1873, p. 398; H.-G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel. München, 1966, S. 53.*

«срамили» императора ³³. Религиозную политику Анастасия не одобряли даже ближайшие его родственники: императрица Ариадна ³⁴, невестка Магна ³⁵, племянники Ипатий и Помпей. Ипатий, например, отказался от общения с Севером и пожаловал 100 либров золота ортодоксальным монахам ³⁶. Много претерпели от императора Помпей и его жена Анастасия, которые поддерживали отношения с изгнанным патриархом Македонием ³⁷. Открыто выступила против монофиситства известная патрикия Юлиана, принадлежавшая со стороны отца к старому аристократическому роду Анициев, а со стороны матери — к дому Феодосия ³⁸. Даже ближайший сподвижник императора его земляк Целер не был настроен в пользу Анастасия ³⁹.

Приведенные выше сведения исходят главным образом от ортодоксальных авторов, но они находят подтверждение и в других источниках. Так, значительный интерес представляет переписка папы Гормизды с патрикиями Юлианой Аницией, Анастасией, Палмацией, Помпеем, Целером. Все письма проникнуты стремлением установить прочный союз Рима с Константинополем в вопросах веры ⁴⁰, и это, бесспорно,шний раз подчеркивает ортодоксальность аристократии столицы и ее несогласие с монофиситской политикой Анастасия.

Примечателен и тот факт, что сенат после вступления на престол Юстина сразу же принимает активное участие в религиозной политике ортодоксального императора. В марте 519 г. папских легатов отправились встречать Юстиниана, Виталиана, Целера, Помпей и другие сенаторы ⁴¹. Юстин принял послов папы в присутствии сената ⁴². Тогда же, в марте 519 г., аристократия была на заседании константинопольского духовенства во главе с патриархом, где обсуждались папские предложения ⁴³. Затем в присутствии императора, сената и духовенства патриарх Иоанн подписал грамоту папы ⁴⁴.

О том, что отношения Анастасия и сенаторов были мирными, нельзя заключить и на основании другого источника, в своем отношении к императору полярно противоположного ортодоксальным авторам, особенно Феофану. Речь идет о монофиситском хронисте Захарии Риторе, настолько пристрастном, что даже народное восстание 512 г. он изображает как мятеж, подготовленный кучкой монахов ⁴⁵. Тем не менее Захария ничего не говорит о добровольной поддержке сенатом императора Анастасия, который в надежде получить эту поддержку либо подкупает патрикиев подарками, либо стремится их разжалобить своими рассказами о несправедливости Македония ⁴⁶.

³³ *Theoph.*, p. 161.

³⁴ *Theodor Lect.*, p. 398; *Theoph.*, p. 155, 159; Житие св. Савы Освященного. СПб., 1890, стр. 284.

³⁵ *Theodor Lect.*, p. 397; *Theoph.*, p. 153.

³⁶ *Theoph.*, p. 159.

³⁷ *Ibid.*, p. 158. Ср.: Житие св. Савы, стр. 284.

³⁸ *Ibid.*, p. 157—158; Житие св. Савы, стр. 284.

³⁹ *J. D. Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae, 1762, VIII, col. 448, 495.* Возможно, что это и есть тот самый магистр, который разделял взгляды Македония, о чем сообщает Захария Ритор: *Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte*, ed. K. Ahrens, G. Krüger. Leipzig, 1899, VII, 7, 8.

⁴⁰ *Mansi*, VIII, col. 448, 449, 458, 459, 465, 466, 495.

⁴¹ *A. A. Vasiliev. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great.* Cambridge, Mass., 1950, p. 175.

⁴² *Ibidem.*

⁴³ *Ibid.*, p. 176.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 177.

⁴⁵ *Zach. Rhet.*, VII, 7.

⁴⁶ *Ibid.*, VII, 8. Захария рассказывает один раз о заседании сената (силенция и конвента), но он опять-таки приводит речь лишь Анастасия, хотя согласно 62-й новелле, синклитики сами должны были выносить предварительное решение, а император впоследствии или одобрял или отвергал его. Ср.: *Malal.*, p. 438—439. Но о реакции сената Захария ничего не говорит.

Таким образом, отношения Анастасия и константинопольской знати были далеко не блестящи, и старый император умер, по справедливому выражению Ш. Лекривена, в открытой враждебности с народом и сенатом⁴⁷. Именно поэтому после смерти Анастасия даже не возникло вопроса о продолжении династии, и аристократия встала на сторону ортодоксального Юстина⁴⁸. В период его правления деятельность сената несколько активизируется. Когда Юстину пришлось решать вопрос об усыновлении Хосрова, дело это рассматривалось в сенате⁴⁹. В присутствии сената Юстиниан был объявлен соправителем старого императора⁵⁰. Наконец, выше уже упоминалось об участии сенаторской аристократии в религиозных делах.

Положение меняется с приходом к власти Юстиниана. Этот император, по всей вероятности, решил продемонстрировать свою независимость не только от партий цирка, борьба которых еще недавно захватывала его самого⁵¹, но и от сената. В период с 527 по 532 г. известия о сенате исчезают со страниц источников. Над всем доминирует фигура императора, и лишь отдельные сенаторы принимают участие в управлении государством как исполнители воли автократора.

Поэтому вполне естественно, что лишенная возможности проявлять политическую активность и оттесненная от выгодных административных должностей часть сенаторской аристократии решила использовать стихийно возникшее народное движение, которое в значительной степени было направлено и против нее.

Но выступив против Юстиниана, знать вовсе не мечтала о возвращении к прежним временам Анастасия, когда ей так же, хотя и в несколько меньшей степени, отказывали в праве решать важные государственные дела. Просто племянники Анастасия были для нее удобными кандидатами на престол. Не отличаясь ни яркими талантами, ни силой характера, они вместе с тем были связаны со старой аристократией и принадлежали к императорской семье. К тому же двое из них, Ипатий и Помпей, не разделяли монофиситских взглядов своего покойного родственника.

Таким образом, сенаторская аристократия, примкнувшая к восставшим, отстаивала свои собственные интересы, которые едва ли можно отождествлять с интересами династической оппозиции.

Как было сказано, сенаторы уже на второй день восстания попытались использовать его в своих интересах, но открыто они примкнули к восставшим лишь 18 января⁵², т. е. после того, как Юстиниан изгнал их из дворца вместе с Ипатием и Помпеем⁵³. По-видимому, именно этот недобдуманный поступок императора сделал их более решительными, и они появились на форуме Константина, где был коронован Ипатий⁵⁴. Здесь вместе с народом они начали обсуждать дальнейший план действий. Многим из восставших хотелось без промедления идти на штурм дворца, но в этот момент выступил сенатор Ориген, пытавшийся удержать народ от поспешных действий. В данный момент, говорил сенатор, выгоднее превратить в опорные пункты дворцы, находящиеся в западной части Константинополя, и оттуда уже начинать наступление⁵⁵. На первый взгляд это кажется отговоркой и даже предательством. Но то обстоятельство, что Ориген, по всей вероятности, входил в число сенаторов, удаленных

⁴⁷ Ch. Lecrivain. Op. cit., p. 223.

⁴⁸ *Constantini Porphyrogeniti De caerimoniis aulae byzantinae*, vol. I. Bonnae, 1829, p. 426—430 (далее — *De caerimoniis*); A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 71, 75—76, 115—116.

⁴⁹ *Theoph.*, p. 168; ср.: H.-G. Beck. *Senat und Volk von Konstantinopel*, S. 53.

⁵⁰ Ch. Lecrivain. Op. cit., p. 222; A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 414; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 240.

⁵¹ A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 117; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 239.

⁵² *Procop.*, B. P., I, 24, 25.

⁵³ *Chron. Pasch.*, p. 624; *Procop.*, B. P., I, 24, 19.

⁵⁴ *Procop.*, B. P., I, 24, 25.

⁵⁵ *Ibid.*, I, 24, 30.

Юстинианом из дворца, и, следовательно, был враждебно настроен к императору, дает возможность предположить, что он призывал овладеть другими дворцами, считая подобные действия наиболее целесообразными. Так же, очевидно, воспринимал это и Прокопий, который сразу же после речи Оригена весьма пренебрежительно отзывается о толпе, как бы противопоставляя благоразумного сенатора «этой черни, любящей все делать поспешно»⁵⁶, а также Ипатию, которому не терпелось попасть в царскую кафисму.

Возможно, Ориген в своей речи отражал точку зрения всех или во всяком случае большинства сенаторов, причастных к восстанию. Прокопий не упоминает о выступлениях других сенаторов и приводит лишь одну эту речь, которая, вероятно, была характерна для настроений аристократов столицы. Вообще ни один источник, описывая ход восстания, ничего не говорит о сенаторах; лишь по свидетельству Пасхальной хроники, восставшие повели на ипподром Ипатия, Помпея и патрикия Юлиана⁵⁷, по-видимому, одобрявшего тактику восставших.

Итак, позиция сенаторов в восстании Ника отличалась двойственностью. С первых же дней восстания аристократические круги Константинополя попытались использовать народное движение в своих интересах и направить его по выгодному для себя руслу. Их влияние на восстание отрицать невозможно. Однако в силу своей классовой ограниченности сенаторы отказались от решительных действий, и их союз с народными массами был лишь временным.

II. ДИНАСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ВОССТАНИИ НИКА

Роль династической оппозиции в восстании Ника давно привлекала внимание исследователей. В. А. Шмидт, например, выделяет ее как одну из основных причин восстания. Автор рисует яркие образы племянников Анастасия, прежде всего Ипатия, приписывая ему стремления, которых в действительности не было, и подвиги, которых он не совершал⁵⁸.

Придавая большое значение династической оппозиции, В. А. Шмидт, по-видимому, опирается на рассказ комита Марцеллина, который утверждает, что «Ипатий, Помпей и Проб, когда в январские иды большая часть знати была связана клятвой, с помощью даров и раздачи оружия побудили обманутую толпу выступить против власти, которую они каждый в отдельности желали себе захватить, и с помощью дурных граждан разрушили огнем, мечом и грабежом царственный город, в то же время во дворце изображая себя преданными императору»⁵⁹. Сведения этого хрониста были, по всей вероятности, близки к официальной версии⁶⁰, представлявшей восстание как династический заговор, а не народный мятеж⁶¹.

⁵⁶ *Procop.*, V. P., I, 24, 31.

⁵⁷ *Chron. Pasch.*, p. 624.

⁵⁸ *W. A. Schmidt. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian. Zürich, 1854, S. 26.* Автор пишет, что Ипатий был храбр, отважен и испытан в военном деле. Сведения В. А. Шмидта, однако, основываются на источниках панегирического характера и не имеют под собой реальной почвы. Так, автор утверждает, что во время персидской войны Ипатий возвратил империи Амиду, но это не следует ни из какого источника (*Joshua the Stylite. The Chronicle composed in Syriac A. D. 507. Cambridge, 1882, ch. 71 f.; Zach. Rhet., VII, 5; Theoph., p. 148—149; см. также: J. Bury. Op. cit., vol. II, p. 14; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 97—98; Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 121—126*). Рисуя пленение Ипатия Виталианом, В. А. Шмидт пишет, что он попал в плен из-за своей чрезмерной храбрости и стойко переносил невзгоды плена. Но и это не соответствует действительности (см. ниже, стр. 32).

⁵⁹ *Marcell. Comit.*, p. 103.

⁶⁰ *J. Bury. The Nika Riot. — JHS, XVII, 1897, p. 93;* автор в то же время отстаивает самостоятельность суждений комита Марцеллина, полагая, что он не столько писал в угоду императору, сколько отражал настроения придворных кругов вообще.

⁶¹ *З. В. Удальцова. Народные движения в Византии при Юстиниане. Восстание Ника (532). — В кн.: «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 285.*

Вслед за В. А. Шмидтом, хотя и независимо от него, династическую оппозицию как одну из причин восстания выделял К. Папарригопуло⁶². Однако взгляды этих ученых без всякой критики были преданы забвению, а вопрос о династической оппозиции получил несколько иное освещение. С этой оппозицией отождествляются выступления самых различных слоев населения Константинополя против Юстиниана, поскольку исследователи видят в них стремление возвратиться к старым анastasиевым временам. При этом взоры народа и сената, естественно, обращаются к племянникам Анастасия, которым вместе с тем отводится очень скромная роль: они лишь уступили настойчивым просьбам толпы⁶³.

Какова же была роль династической оппозиции накануне восстания и в ходе его?

Прежде всего следует отметить, что при Юстине и в первые годы правления Юстиниана династическая оппозиция, если вообще можно говорить о ее существовании, не представляла собой существенной угрозы правящей династии. Во время выборов нового императора в июле 518 г. о племянниках Анастасия не было и речи. Ни димы, ни войско не вспомнили о них⁶⁴, хотя Ипатий и Помпей не разделяли монофиситских взглядов умершего императора⁶⁵. Сенат полностью встал на сторону Юстина⁶⁶. Даже ближайший сподвижник Анастасия — препозит Амантий добивался престола для Феокрита⁶⁷, несмотря на то, что третий племянник императора, патрикий Проб, был монофиситом⁶⁸. По всей вероятности, именно непопулярность Анастасия в столице сделала невозможным выдвижение на престол одного из его родственников. В течение последующих почти 14 лет ни Юстин, ни Юстиниан не рассматривали их как серьезных претендентов на престол. Византия VI в. еще не знала принципа легитимности в занятии трона; силы, которые могли бы поддержать родственников Анастасия, отсутствовали, а особыми талантами или достоинствами ни один из них не обладал. Ипатий, возглавляя вместе с другими стратигами ромейское войско во время персидской войны 502—506 гг., показал себя совершенно неспособным полководцем. Несмотря на некоторые противоречия источников в изображении хода событий этой войны⁶⁹, все они отмечают его бесталанность и неумение руководить войском. По свидетельству Иешу Стилита и Феофана, Ипатий и Патрикий отказались прийти на помощь Ареобинду, которому предстояло сражаться с Кавадом, и тем самым обрекли его на неудачу⁷⁰. Красочно описывает Захария Ритор поражение, нанесенное Кавадом ромейским стратигам, в том числе и Ипатию. «Они, — пишет хронист, — потеряли много лошадей и бывших на них всадников, которые упали со скал, разбились, умерли и покалечи-

⁶² К. Папарригопулоσ 'Ο μεσαιωνικὸς ἐλληνισμὸς καὶ ἡ στάσις τοῦ Νίκαι. Ἀθήναι, 1868, σελ. 7—8.

⁶³ Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. II, стр. 82—83; J. Bury. History of the Later Roman Empire, vol. II, p. 42, 44; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 452—453.

⁶⁴ De caerimoniis, p. 426—430; Ю. Кулаковский (указ. соч., т. II, стр. 497) высказывает предположение, что неизвестным патриkiem и магистром армии, которого выдвигали на трон схолярии, был Ипатий. Однако это соображение следует отбросить, так как Ипатий в момент смерти Анастасия находился на Востоке, в Антиохии или еще дальше (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 220). Э. Штейн считает, что именно из-за отсутствия Ипатия дому Анастасия не удалось закрепить за собой трон. Но это представляется маловероятным.

⁶⁵ П. Харанис, ссылаясь на Прокопия (В. Р., I, 24, 19), говорит, что Ипатий был монофиситом: P. Charanis. Church and State in the Later Roman Empire. The Religious Policy of Anastasius the First, 491—518. Madison, 1939, p. 11. Но в соответствующем отрывке Прокопия Ипатий лишь назван племянником ранее правившего Анастасия.

⁶⁶ De caerimoniis, p. 426—430; A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 71, 75—76, 115—116.

⁶⁷ Malal., p. 410; Chron. Pasch., p. 612.

⁶⁸ E. Stein. Op. cit., t. II, p. 216.

⁶⁹ Н. В. Пугулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 108—110.

⁷⁰ Joshua the Stylite, ch. 55—56; Theoph., p. 146.

лись»⁷¹. Этому описанию соответствуют и факты, приведенные Прокопием⁷². Вследствие своих неудач Ипатий был отозван в Константинополь, однако через несколько лет он вновь становится во главе ромейского войска, на этот раз в борьбе с Виталианом, который без труда разгромил племянника императора, а самого его захватил в плен⁷³. И опять, как и в войне с персами, он оказался причиной гибели многих людей. По данным Иоанна Антиохийского, из 80 тыс. воинов в решающем сражении погибло 60 тыс.⁷⁴ Самому же Ипатию пришлось испытать много унижений, прежде чем его выкупил отец, патрикий Секундин⁷⁵.

Не отличался высокими талантами и патрикий Проб, которому лишь однажды было поручено важное задание, а именно миссия к гуннам, где его ожидала полная неудача⁷⁶. Описывая это путешествие, Захария Ритор говорит скорее о религиозности Проба, чем о его дипломатических талантах⁷⁷.

Совершенно бесцветной личностью был третий племянник Анастасия — Помпей. После неудачи в восстании Ника трусливый и безвольный Помпей, по свидетельству Прокопия, сидя в темнице, «рыдал и говорил жалобные речи»⁷⁸.

Вполне естественно, что ни Ипатий, ни Помпей, ни Проб сами по себе не могли внушить страх Юстину и Юстиниану, а общественное мнение столицы было не в пользу племянников Анастасия. Их не удалили от двора, и Помпей вместе с Виталианом и Юстинианом встречал послов папы в марте 519 г.⁷⁹ Его брат Ипатий вновь получил должность стратилата Востока⁸⁰. Среди именитейших ромеев он отправился на встречу с представителями Кавада для ведения переговоров об усыновлении Хосрова⁸¹. Когда же Руфин обвинил в провале миссии Ипатия, дело было расследовано со всей тщательностью, и племянник Анастасия оказался оправдан⁸². Более того, когда у Юстиниана появилась возможность избавиться от Проба, которого сенат признал виновным в оскорблении императора, он, напротив, простил его⁸³.

Можно было бы думать, что Юстиниан заигрывал со своими соперниками, однако эта мысль кажется маловероятной. Юстиниан без колебания устранил подлинного соперника, когда тот встал на его пути. Речь идет

⁷¹ *Zach. Rhet.*, VII, 5. Цит. по кн.: Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 156.

⁷² *Procop.*, V. P., I, 8, 13—19.

⁷³ *Ex. de ins.*, p. 145; *Malal.*, p. 402; *Theoph.*, p. 157; *Zach. Rhet.*, VII, 13.

⁷⁴ *Ex. de ins.*, p. 145. В этом сражении Ипатий решил использовать в качестве укрепления соединенные повозки, но это не принесло успеха. Воинам Виталиана удалось прорвать укрепление и смять императорское войско. Люди и лошади падали в пропасть. Иоанн пишет, что погибших было так много, что дно пропасти сравнялось с вершинами вокруг нее. П. Харанис (*op. cit.*, p. 55) и Э. Штейн (*op. cit.*, p. 180—181) считают цифры, приведенные Иоанном, преувеличенными, но ни тот ни другой не отрицают гибели громадного числа людей.

⁷⁵ *Ex. de ins.*, p. 145; *Theoph.*, p. 160; Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. I, стр. 512; *E. Stein. Op. cit.*, t. II, p. 181; *R. Guillard. Op. cit.*, II, p. 135.

⁷⁶ *Procop.*, I, 12, 6 sq.; *Zach. Rhet.*, XII.7; *A. A. Vasiliev. The Goths in the Crimea.* Cambridge, Mass., 1931, p. 70; *B. Rubin. Op. cit.*, S. 261 f.

⁷⁷ *Zach. Rhet.*, XII, 7.

⁷⁸ *Procop.*, V. P., I, 24, 55.

⁷⁹ *E. Stein. Op. cit.*, t. II, p. 227; *A. A. Vasiliev. Justin the First*, p. 175—176.

⁸⁰ *Malal.*, p. 423.

⁸¹ *Procop.*, V. P., I, 11, 24. Б. Рубин, впрочем, объясняет это политическими мотивами (*B. Rubin. Op. cit.*, S. 260—261).

⁸² *Procop.*, V. P., I, 11, 38—39.

⁸³ *Malal.*, p. 438—439. «В то же самое время, — пишет хронист, — родственник императора Анастасия, патрикий Проб, поносил императора Юстиниана, вызвав тем самым его гнев. После того как состоялся силенций и конвент для составления письменного заключения и когда в собрании сената это заключение, содержащее осуждение Проба, было прочитано императору Юстиниану, тот, взяв написанное, разорвал его и сказал Пробу: «Я прощаю тебе то, что ты сделал против меня. Молись, чтобы и бог простил тебя».

о прославленном полководце, мужественном и храбром Виталиане, популярность которого в столице была огромна⁸⁴. Именно в этом человеке, а не в бесталанных племянниках Анастасия видел будущий император угрозу своему стремлению к славе и трону.

Итак, все вышеизложенное позволяет предположить, что Ипатий, Помпей и Проб не имели никакого отношения к началу восстания. Династическая оппозиция не только не была причиной, но не явилась даже поводом к этому народному возмущению. Более того, по данным источников, лишь на шестой день Ипатий и Помпей оказываются вместе с восставшим народом⁸⁵.

Можно, конечно, думать, что какие-то связи между племянниками Анастасия и восставшим народом существовали и раньше. Так, несколько странным кажется поведение Ипатия и Помпея в то время, когда их отсылал из дворца Юстиниан. «На пятый день мятежа, — пишет Прокопий, — император Юстиниан приказал Ипатию и Помпею, племянникам ранее правившего Анастасия, как можно быстрее идти домой. То ли он подозревал их в посягательстве на свою жизнь, то ли сама судьба вела их к этому. Те же, когда это случилось, испугавшись, как бы народ не принудил их к царствованию, сказали, что поступят неблагоразумно, если оставят императора в минуту опасности. Услышав это, император Юстиниан еще больше стал их подозревать и еще настойчивее приказал им удалиться. Таким образом, оба они были в самом деле отведены домой и, пока была ночь, там пребывали в бездействии»⁸⁶. Странными кажутся их опасения относительно того, что народ заставит их принять титул и власть императора. Еще более удивляет другое обстоятельство. Когда Ипатий и Помпей были схвачены и приведены к императору, они упали ему в ноги, говоря: «Деспот, мы много потрудились, чтобы привести на ипподром врагов державы нашей»⁸⁷, на что Юстиниан ответил: «Хорошо поступили, но если они вас слушали, почему вы не сделали этого до того, как был сожжен весь город?»⁸⁸. Упрек императора, если не воспринимать его как злую иронию, кажется нелепым, так как город был сожжен до того, как Ипатия и Помпея изгнали из дворца и народ «принудил» их к царствованию. Возможно, Юстиниан как раз намекает на какие-то отношения племянников Анастасия с восставшими. Во всяком случае, мысль о возведении на престол одного из них родилась, по всей вероятности, 14 января, когда восстание уже достигло большого размаха. Либо потому, что Ипатий колебался, либо потому, что он вместе с Помпеем и другими сенаторами находился во дворце, восставшие решили провозгласить императором Проба, который и в этот благоприятный для него момент предпочел оказаться в тени.

Таким образом, даже если предположить существование какой-то связи между династической оппозицией и восставшими, то нельзя не отметить, что заметной роли в восстании племянники Анастасия не играли вплоть до 18 января, когда Ипатий был провозглашен императором. Именно это событие послужило переломным моментом в поведении Ипатия и Помпея. После того, как восставшие провозгласили Ипатия императором на форуме Константина, он, вопреки желанию сенаторов, решил вместе с бушующей толпой отправиться на ипподром, чтобы как можно быстрее попасть в Большой дворец⁸⁹. Титул императора стал для него притягательной силой и положил конец его колебаниям. Не отличаясь, однако,

⁸⁴ Подробно о причастности Юстиниана к убийству Виталиана см.: А. А. Vasiliev. Justin the First, p. 108—115; о его популярности см. там же, стр. 109 сл., 158.

⁸⁵ *Procop.*, В. Р., I, 24, 22.

⁸⁶ *Procop.*, В. Р., I, 24, 19—21.

⁸⁷ *Malal.*, p. 476; *Chron. Pasch.*, p. 627.

⁸⁸ *Ibidem.*

⁸⁹ *Procop.*, В. Р., I, 24, 31.

твердостью характера, Ипатий, уже будучи на ипподроме, испугался, что победа окажется на стороне Юстиниана, и тайно послал во дворец некоего Ефрема, пользовавшегося его доверием. Получивший ложные сведения Ефрем, возвратившись, сказал Ипатию: «Деспот, богу угодно, чтобы ты стал царствовать, ведь Юстиниан бежал и никого нет во дворце»⁹⁰. После этого Ипатий, по свидетельству Малалы и Пасхальной хроники, почувствовал себя увереннее в царской кафисме и охотно слушал восхваления в свой адрес и оскорбления в адрес Юстиниана и Феодоры⁹¹. Нерешительный и целиком полагавшийся на удачу, он мог быть подходящей кандидатурой для сената, но не для восставшего народа. По сути дела, Ипатий сам погубил дело восставших. Имея на своей стороне почти весь Константинополь, он не сумел воспользоваться этим преимуществом, совершив большую тактическую ошибку. Видя, что Юстиниан не может одолеть восставших в уличных боях, Ипатий двинулся с ними на ипподром, где легче всего можно было расправиться с восставшими. Бесспорно, Ипатий не собирался предать восставших, с которыми он уже связал свою судьбу. Просто это была очередная ошибка бездарного полководца.

Итак, династическая оппозиция, примкнувшая к восстанию, попыталась использовать народное движение в своих целях. Но она не смогла закрепить успехи восставшего народа. Напротив, династическая оппозиция лишь способствовала разгрому восстания.

III. ЦИРКОВЫЕ ПАРТИИ И НАРОД В ВОССТАНИИ НИКА

Несмотря на обилие литературы⁹², вопрос о цирковых партиях все еще ждет своего исследователя. Фундаментальная работа А. П. Дьяконова, получившая высокую оценку у ряда ученых⁹³, не разрешила многих вопросов, о чем справедливо писал М. Я. Сюзюмов⁹⁴. Отметим одно положение работы А. П. Дьяконова, которое, хотя и оспаривалось Н. В. Пигулевской⁹⁵, Г. Зайдлером⁹⁶ и С. Винклер⁹⁷, заслуживает самого пристального внимания. Речь идет о существовании в византийском обществе того периода некой «конституционной силы» народа. В последнее время к исследованию этой проблемы обратился Г. Г. Бек. Он утверждает, что важны не разногласия между партиями, важно то, какую роль играют народные массы в период существования цирковых партий⁹⁸. Конкретизируя свою мысль, Г. Г. Бек показал, что население Константинополя принимало участие в выборах императора, хотя первое место автор, как и Е. Христофилопуло⁹⁹, отводит сенату¹⁰⁰.

⁹⁰ Chron. Pasch., p. 625.

⁹¹ Malal., p. 475; Chron. Pasch., p. 625.

⁹² Из последних исследований по цирковым партиям, кроме работы Сп. Вриониса, которая была уже отмечена З. В. Удальцовой («Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского». — ВВ, XXIX, 1968, стр. 162, прим. 53), можно назвать статью Дж. Файна, справедливо, на наш взгляд, полагающего, что в V—VII вв. практически стерлись различия между понятиями димы и факции (J. V. A. Fine. Two Contributions on the Demes and Factions. — ЗРВИ, 10, 1967, p. 29 sq.).

⁹³ См., например: А. А. Vasiliev. Justin the First, p. 75—78, n. 57; H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 35, Anm. 71.

⁹⁴ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточноримской империи. — «УЗ Уральского гос. университета», вып. 11, 1952, ист., стр. 89 сл.

⁹⁵ Н. В. Пигулевская. К вопросу о борьбе демов в ранней Византии. — ВВ, V, 1952, стр. 221.

⁹⁶ G. L. Seidler. Soziale Ideen in Byzanz. Berlin, 1960, S. 34, Anm. 1.

⁹⁷ S. Winkler. Byzantinische Demen und Faktionen. — In: Sozialökonomische Verhältnisse im Alten Orient und im Klassische Altertum. Berlin, 1961, S. 321—322.

⁹⁸ H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 36.

⁹⁹ Ai. Christophilopoulos. 'Εκλογή, ἀναγόρευσις καὶ στέψις τοῦ Βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος. — «Πραγματεῖαι τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν», Τομ. 22, ἀρ. 2. Ἀθήνα, 1956. См. возра.

Источники дают немало материала для подтверждения точки зрения А. П. Дьяконова — Г. Г. Бека. Так, заключая перемирие с Анастасием, Виталиан потребовал клятвы не только от императора и сената, но и от народа ¹⁰¹. Когда же Анастасий нарушил эту клятву, народ открыто порицал императора ¹⁰². Простой люд Константинополя часто вмешивался в религиозные дела, оказывая давление на императора или патриарха. В 507 г., когда Анастасий пригласил в столицу яркого монофисита Филоксена, волнения среди населения привели к тому, что император оказался вынужденным тайно вывезти его из города ¹⁰³. В 511 г. восточные монахи начали распевать в церквях монофиситское «трисвятое», и Анастасий дал клятву никогда больше не видеть патриарха Македония. Тогда поднялся весь народ, и напуганный император сам пригласил патриарха во дворец, где тот был встречен с большим почетом ¹⁰⁴. Вскоре, однако, Анастасию удалось одержать верх над Македонием ¹⁰⁵, но тем не менее он удалил патриарха из Константинополя ночью, боясь выступления народных масс ¹⁰⁶. В 512 г. народ ответил крупным восстанием на открытый переход императора к монофиситству ¹⁰⁷, хотя причины волнения, по-видимому, были не только религиозные. После смерти Анастасия именно народ принуждает патриарха Иоанна признать Халкидонский собор ¹⁰⁸. А в 533 г. после сильного землетрясения «весь народ» столицы собрался на форуме Константина, призывая императора сжечь акты Халкидонского собора ¹⁰⁹.

Нередко народ высказывал свое недовольство и отдельными должностными лицами, тем самым побуждая императора к их смещению. В 491 г. префект города Юлиан издал указ, запрещающий народу собираться на ипподроме. Возмущение было настолько сильным, что Анастасий в конце концов сместил неугодного народу префекта и на его место поставил своего зятя патрикия Секундина ¹¹⁰. В 498 г. после сильного волнения димов префектом города был назначен патрон партии прасинов Платон ¹¹¹.

Согласно закону Константина, народ имел право открыто обращаться к императору с жалобами ¹¹², и это, как выразительно показывают «Акты Калоподия», не было простой фикцией. Диалог начинается с жалоб и просьб, но вскоре тон его становится резче, зеленые все чаще переходят

жения Б. Рубина («Gnomon», 30, 1958, S. 471—473; «Das Zeitalter Justinians», S. 57) и И. Караяннопулоса (BZ, 50, 1957, S. 469 f.).

¹⁰⁰ H.-G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel, S. 10 f. (ср.: А. П. Дьяконов. Указ. соч., стр. 171 сл.). Но Г. Г. Бек не ограничивается только указанием на участие сената и народа в выборах императора. По его мнению, они затем осуществляли своеобразный контроль над деятельностью выбранного ими императора (S. 47 f.).

¹⁰¹ Theoph., p. 160; P. Charanis. Op. cit., p. 56.

¹⁰² Theoph., p. 161.

¹⁰³ Ibid., p. 149—150; P. Charanis. Op. cit., p. 31.

¹⁰⁴ Theodor Lect.: PG, t. 86, col. 197; Theoph., p. 154.

¹⁰⁵ P. Charanis. Op. cit., p. 38—41; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 169—170.

¹⁰⁶ Theodor Lect., col. 200; Theoph., p. 155.

¹⁰⁷ Malal., p. 407—408; Evagrius. The Ecclesiastical History. London, 1898, III, 44.

¹⁰⁸ Mansi, VIII, col. 1057—1066; Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. II, стр. 6—7;

А. А. Васильев. Justin the First, p. 137. sq.

¹⁰⁹ Chron. Pasch., p. 629. Это, пожалуй, единственный известный случай, когда за монофиситство выступили широкие массы населения столицы. Причины этого неясны, но, может быть, их следует искать в бедствиях, постигших Константинополь: недавно было разгромлено восстание Ника, в результате страшной резни погибло 35 тыс. человек; затем на город обрушилось сильное землетрясение. Народ в испуге. Эта растерянная толпа, возможно, представляла собой благодатную почву для проповедей монофиситов, которых тогда немало было в столице, так как именно в это время Юстиниан искал попытки примирения с ними.

¹¹⁰ Ex. de ins., p. 141.

¹¹¹ Malal., p. 394—395.

¹¹² Cod. Iust., I, 40. 3; W. A. Schmidt. Op. cit., p. 47.

к намекам и оскорблениям, и, наконец, заявляют: «Лучше бы не родился Савватий, он не имел бы сына-убийцу»¹¹³. Тем не менее разговор на этом не заканчивается, и император продолжает выслушивать резкие жалобы зеленых на отсутствие справедливости¹¹⁴. Диалог, приведенный Феофаном, бесспорно, является необыкновенно интересным источником, но вместе с тем едва ли можно считать его уникальным. В актах собора 536 г. сохранились любопытные документы, которые зафиксировали события, происходившие в Константинополе 15—16 июля 518 г.¹¹⁵ Собранный в св. Софии народ обращается, правда, не к императору, а к патриарху, но тон и характер разговора очень напоминают диалог в ипподроме в январе 532 г., причем именно вторую, более откровенную по тону, его половину. «Кто не предаст анафеме Севера,— кричит толпа,— тот сам манихей. Анафема Северу манихею. Кто не говорит это, тот сам манихей»¹¹⁶ (ср.: «Кто не говорит, что правильно верит деспот, анафема тому, как Иуде»¹¹⁷). Выкрикивая так некоторое время и постоянно побуждая Иоанна признать Халкидонский собор, толпа, наконец, входит в самый алтарь и уже там кричит: «Многая лета императору! Многая лета Августе! Я свидетельствую: ты не уйдешь, если не предашь анафеме Севера. Скажи ясно: анафема Северу! . . . Ты не сойдешь [с кафедры], если не предашь анафеме. Многая лета патриарху, достойному Троицы! Многая лета императору! Многая лета Августе! Объяви о прославлении Халкидонского собора. Я не уйду, если не объявишь, мы будем здесь до вечера»¹¹⁸.

Таким образом, в VI в. народ был реальной политической силой и обладал необычайной политической активностью, причем его разделение на партии играло второстепенную роль. Столкновения между ними нередко носили спортивный характер и значительно уступали совместной борьбе обеих партий против правительства¹¹⁹.

В большой степени все это было характерно и для восстания Ника, где единство и сила народа проявились с необыкновенной полнотой, а деление его на партии отошло на второй план. За несколько дней до начала восстания синие и зеленые еще ссорились на ипподроме в присутствии императора¹²⁰, однако достаточно было одного события (нарушение обычая при совершении казни), как две враждующие группы объединились. О связи этих событий (казнь и объединение партий) свидетельствует то обстоятельство, что заключившие союз прасины и венеты требуют только помилования осужденных¹²¹. Очевидно, в этом факте они видели проявление политики Юстиниана, в известной степени направленной против обеих фракций. Это же обусловило их единство на ипподроме 13 января, где они провозгласили свой союз. Малала ярко рисует единство народа в этот момент. «. . . Когда же дьявол внушил им дурную мысль,— пишет хронист,— они стали кричать друг другу: «Многая лета человеколюбивым прасинам и венетам!» Окончив игры, толпа вышла в дружном единодушии (*τὰ πλήθη φιλάσαντα*), взяв себе в качестве пароля слово «Ника», для того чтобы не примешались к ним солдаты или экскувиты. И таким образом она начала бушевать»¹²². Нигде уже

¹¹³ *Theoph.*, p. 183.

¹¹⁴ *Ibid.*, p. 183—184.

¹¹⁵ *Mansi*, VIII, col. 1057—1066. Английский перевод этих документов приведен А. А. Васильевым в кн.: «Justin the First», p. 137—144.

¹¹⁶ *Mansi*, VIII, col. 1058.

¹¹⁷ *Theoph.*, p. 182.

¹¹⁸ *Mansi*, VIII, col. 1059. Не что подобное происходило в Тире 16 сентября 518 г.: *Mansi*, VIII, col. 1081—1092; А. А. Васильев. Justin the First, p. 151. По-видимому, такого рода проявление эмоций было вообще характерно для той эпохи.

¹¹⁹ А. П. Дьяконов. Указ. соч., стр. 204.

¹²⁰ *Theoph.*, p. 183—184.

¹²¹ *Malal.*, p. 473—474.

¹²² *Ibid.*, p. 474.

источники не пишут τὰ μέρη, но только οἱ δῆμοι, что равнозначно ὁ δῆμος и οἱ ὄχλοι¹²³.

Таким образом, восстание началось стихийно и родилось в недрах народных масс. В первый же день, 13 января, движение приняло широкий социальный характер. Восставшие громили дома богачей¹²⁴, многие из которых бежали на азиатский берег Босфора¹²⁵. Разгневанная толпа сожгла преторий префекта города и две тюрьмы, освободив политических заключенных¹²⁶. Во время пожара, который устроили восставшие, пострадали такие важные государственные постройки, как сенат, часть Большого дворца, бани Зевксиппа¹²⁷. Даже церковь св. Софии подожгли сами же восставшие. «Показывая, что не только против императора, но и против бога они в безумстве подняли руки, они осмелились сжечь и христианскую церковь (византийцы называют этот храм Софией, считая такое название наиболее подходящим для бога)», — пишет Прокопий¹²⁸. Примечателен и тот факт, что кроме домов аристократов и важных государственных построек, которые жгли восставшие, выражая свой протест против социального угнетения, были разрушены и крупные торговые помещения, такие, как дом ламп¹²⁹ и лавки аргиропратов¹³⁰. Аргиропраты принадлежали к торгово-ростовщической верхушке города, давали деньги в долг под большие проценты и были настолько богаты, что могли субсидировать заговор против Юстиниана¹³¹.

Итак, с первых дней восстания, с первых его часов главную роль в нем, бесспорно, играли народные массы. Именно благодаря их упорству был смещен и наиболее ненавистный всем слоям населения Иоанн Каппадокийский. Выразительно пишет об этом автор Пасхальной хроники: «. . . И сказал им император: «Идите и узнайте, из-за чего бунтуют». И вышли из дворца патрикий Василид. . . и Константиол. Остановив толпу, бушующую у дворца, и заставив ее замолчать, они обратились к ней с вопросом: «Из-за чего бунтуете?» Толпа же поносила префекта преториев Иоанна Каппадокийского, квестора Руфина и епарха города Эвдемона. Услышав это, они передали императору. Тотчас же он сместил префекта преториев Иоанна. . .»¹³². Юстиниана испугал необычайный размах мятежа и участие в нем огромных масс народа. Одно лишь количество убитых на ипподроме 18 января (35 тыс.)¹³³ дает возможность

¹²³ *Malal.*, p. 474—476; *Chron. Pasch.*, p. 623—625; *Procop.*, В. Р., 1, 24, 7 sq; *Theoph.*, p. 184.

¹²⁴ *Theoph.*, p. 184; *Procop.*, В. Р., I, 24, 9.

¹²⁵ *Procop.*, В. Р., I, 24, 8.

¹²⁶ *Ibid.*, I, 24, 7.

¹²⁷ *Malal.*, p. 474—475; *Procop.*, В. Р., I, 24, 9; *Theoph.*, p. 184; *Chron. Pasch.*, p. 621—622; *Cedrenus*, p. 647—648.

¹²⁸ *Procopii Caesariensis Opera omnia*, vol. IV. Lipsiae, 1964, I, 1, 20. По свидетельству Захарии Ритора (IX, 14), св. Софию подожгли агенты императора, чтобы посеять страх и смятение среди восставших. См. возражения Дж. Бьюри («The Nika Riot», p. 117, п. 2).

¹²⁹ *Cedrenus*, p. 648.

¹³⁰ *Chron. Pasch.*, 623; *Theoph.*, p. 184.

¹³¹ Об аргиропратах см. Nov. 136, ed. VII, IX; М. Я. Сюзюмов. Византийская книга епарха. М., 1962, стр. 127 сл.; Н.-Г. Векк. Konstantinopel, S. 22; о заговоре — *Malal.*, p. 493—495; *Theoph.*, p. 237—238; Ex. de ins., p. 173—175; А. П. Дьяконов. Указ. соч., стр. 194—195; Н.-В. Пугулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946, стр. 150—151; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 779; L. Chassin. Bélisaire, généralissime byzantin (504—565). Paris, 1957, p. 208—209.

¹³² *Chron. Pasch.*, p. 620—621; *Malal.*, p. 475. Мнение А. Джонса о том, что Иоанн был ненавистен только аристократии (op. cit., p. 272), опровергается не только Малалой, Пасхальной хроникой, Прокопием, Иоанном Лидом, но и Захарией Ритором.

¹³³ *Malal.*, p. 476. Общая численность населения Константинополя, по мнению Д. Якоби, составляла 375 тыс. человек (*D. Jacoby. La population de Constantinople à l'époque byzantine.* — *Byz.*, 31, 1961, p. 107—108). Еще меньшую цифру (максимум — 300 тыс.) предложил в своей рецензии на работу Д. Якоби А. П. Каждан: «Новое исследование о численности населения Константинополя в период раннего средневековья». — ВИ, 1962, № 5, стр. 192.

представить, насколько велико было число восставших. Вместе с мужчинами сражались и женщины. По свидетельству Зонары, они бросали с верхних этажей в солдат-варваров камни и все, что попадалось под руку¹³⁴. Об участии женщин в борьбе упоминает и Пасхальная хроника¹³⁵.

Но восстание охватило не только значительную часть константинопольского населения. В рядах повстанцев оказалось большое количество припыхлых людей. Вымогательства Иоанна Каппадокийского вызвали сильное недовольство в провинции и послужили причиной большого наплыва в столицу обездоленных, разоренных и озлобленных лиц. Об этом свидетельствуют данные Иоанна Лиды¹³⁶, Захарии Ритора¹³⁷ и 80-й новеллы, вышедшей вскоре после восстания и направленной как раз против чрезмерного скопления в Константинополе жителей других городов и областей. Эти люди, само собой разумеется, не остались безучастными к происходящей на улицах столицы борьбе. По рассказу Захарии Ритора, именно они побуждали к действию население города. «В столице, — пишет хронист, — были люди из всех мест и в немалом числе. Они жаловались на него (Иоанна Каппадокийского), склонялись к одной из партий и помогали ей. Поэтому и раздались возгласы против него и императора, партии объединились и пришли к согласию»¹³⁸. Это свидетельство Захарии Ритора, по всей вероятности, несколько преувеличено, но не лишено оснований, и можно вполне предположить, что в эти дни, в январе 532 г., население Константинополя действительно олицетворяло собой население всей империи¹³⁹.

Восставшие стали грозной силой и успешно вели бои с отборными дружинами Велисария и Мунда¹⁴⁰. Пришедшие на помощь правительству отряды солдат из окрестных мест также не смогли одолеть восставших и в злобе подожгли одну из красивейших построек столицы — Октагон¹⁴¹. В руках народа оказался почти весь Константинополь, за исключением Большого дворца. Успех восстания был настолько велик, что даже воины, охранявшие эту императорскую резиденцию, отказались выступить на стороне правительства и предпочли нейтралитет¹⁴².

Но, несмотря на размах движения, народ, стихийно и неорганизованно поднявшийся на борьбу, не смог выдвинуть своего вождя, чему немало способствовали сенаторская и династическая оппозиции, стремившиеся использовать восстание в своих целях. Ипатий и Помпей не были избранниками народа. Правление Анастасия было для него так же тяжело, как и правление Юстиниана. Население Константинополя неоднократно поднимало против него мятежи¹⁴³, в одном из которых восставшие подожгли дом Помпея¹⁴⁴. Велики были радость и облегчение, испытанные народом после смерти Анастасия¹⁴⁵. Поэтому лишь вме-

¹³⁴ Zonar., p. 154.

¹³⁵ Chron. Pasch., p. 622.

¹³⁶ Ioann. Lyd., III, 70.

¹³⁷ Zach. Rhet., IX, 14.

¹³⁸ Ibidem.

¹³⁹ По мнению Г. Г. Бека, население Константинополя вообще олицетворяло население всей империи, и в этом смысле, как и в других, он был подлинной столицей (H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 12).

¹⁴⁰ Malal., p. 475—476; Chron. Pasch., 621—623; Theoph., p. 184—185.

¹⁴¹ Chron. Pasch., p. 622—623.

¹⁴² Procop., I, 24, 44—45.

¹⁴³ Malal., p. 394—395, 406—408; Theoph., p. 150, 154, 159; Ex. de ins., p. 141—143, 146, 167—170.

¹⁴⁴ Marcell. Comit., p. 98.

¹⁴⁵ Mansi, VIII, col. 1057 sq. Ср. также возгласы толпы в Тире 18 сентября 518 г., которая кричала: «Нет Анастасия, царствует Юстин, он православный; он не манихей, он православный. Юстин царствует, новый Константин. Он не манихей как Анастасий» (Mansi, VIII, col. 1090). Мнение Ю. Кулаковского, III. Дюля, Л. Шассена о том,

шательством сенаторской оппозиции можно объяснить то, что во главе восстания оказались Ипатий и Помпей. Тем не менее, испытывая некоторое влияние сенаторских кругов, народ постоянно выходит из-под их контроля. Так, направившись к Пробу и не найдя его там, толпа подожгла его дом ¹⁴⁶, хотя это, бесспорно, не входило в планы аристократии. Вопреки желаниям сенаторов, народ отправился на решительный штурм дворца ¹⁴⁷, который, возможно, ему и удалось бы взять, если бы во главе его стоял талантливый и решительный полководец. Ипатий же и Помпей, в руках которых оказались судьбы восставшего народа, лишь только ослабили его, лишили инициативы и в какой-то степени способствовали подавлению восстания. Уже самое провозглашение императором Ипатия по существу означало для народных масс поражение. Продержавшись с успехом столько дней, народ вместе с тем не представлял реально своих целей, и царистские иллюзии одержали верх ¹⁴⁸. В значительной степени это ускорило разгром столь сильного народного восстания.

Итак, несмотря на влияние сенаторской аристократии и династической оппозиции, восстание Ника было прежде всего народным движением и таким сохранилось в памяти современников. Таким изображали его и более поздние авторы, вопреки стремлению Юстиниана представить это восстание как династический заговор.

что народ хранил добрые воспоминания об Анастасии, основано на недоразумении (Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. II, стр. 82—83; Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle. Paris, 1901, p. 456; L. Chassin. Op. cit., p. 52).

¹⁴⁶ Chron. Pasch., p. 622.

¹⁴⁷ Procop., В. 2., I, 24, 31.

¹⁴⁸ З. В. Удальцова. Народные движения в Византии при Юстиниане. Восстание Ника (532), стр. 291, 295.